

УДК 78.072.3
ББК 82.3(2Рос)

СОБИРАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА МУЗЫКАЛЬНОЙ НАУКИ (1921–1931)

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СМИРНОВ

(Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского:
Российская Федерация, 125009, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 13/6)

***Аннотация.** Статья основана на материалах отдела документов и личных архивов Российского национального музея музыки (Москва). Автором осуществлен обзор собирательской деятельности Этнографической секции Государственного института музыкальной науки (ГИМН) — одного из крупнейших научных учреждений России послеоктябрьского периода. Дана характеристика важнейших видов этой работы, в том числе получение материала в стационарных условиях, привлечение сторонних организаций и отдельных собирателей с периферии, осуществление экспедиционных выездов. В статье обозначены связи секции с организациями и отдельными исследователями, очерчен ареал собирательской работы, показано разнообразие целей и задач фольклорных экспедиций.*

Автором дана оценка деятельности Этнографической секции, заявившей себя в качестве полноценного подразделения, способного возглавить в стране работу по собиранию и изучению музыкального фольклора. Секцией был осуществлен широкий охват разнообразных в стилевом отношении традиций, привлечено к сбору материала большое число специалистов, сформирована значительная коллекция фонограмм, произведено записывание, обработка и подготовка к публикации фольклорных произведений всевозможных жанров. Впервые был поставлен и начал решаться вопрос о создании централизованного хранилища звукозаписей, что в конечном итоге привело к созданию Фонограммархива при Академии наук СССР. Эти виды деятельности дополнялись научными изысканиями: изучением литературы, рукописей, архивных материалов, дореволюционных собраний фонограмм и их каталогизацией.

***Ключевые слова:** русская музыкальная фольклористика 1920-х гг., Этнографическая секция ГИМНа, экспедиционно-собирательская деятельность, Музыкально-этнографическая комиссия.*

***Дата поступления статьи:** 31 марта 2019 г.*

***Дата публикации:** 25 июня 2019 г.*

***Для цитирования:** Смирнов Д. В. Собирательская работа Этнографической секции Государственного института музыкальной науки (1921–1931) // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 2. С. 131–141.*

***DOI:** 10.26158/TK.2019.20.2.011*

Деятельность Этнографической секции ГИМНа (1921–1931) развивалась в лучших традициях дореволюционной науки на основе богатейшего опыта учреждений начала XX в., прежде всего Музыкально-этнографической комиссии (МЭК). Уже в момент основания МЭК в 1901 г. были сформулированы три важнейших направления работы: экспедиционно-собираательское, научно-исследовательское и концертно-просветительское. Все перечисленные направления были унаследованы Этнографической секцией. Так, в докладе «О деятельности московских музыкантов-этнографов за последние 25 лет» В.В. Пасхалов писал: «С момента своего возникновения и до настоящего времени коллектив московских музыкантов-этнографов выполняет одновременно три основных задачи: собирание образцов народной музыки, теоретическое их истолкование и <...> художественную обработку и пропаганду народных мелодий» [Пасхалов 1925. Л. 4об.].

Собирание музыкального фольклора значилось, таким образом, в числе первых пунктов перечня наиболее актуальных вопросов, стоявших перед Этнографической секцией ГИМНа. Получение материала как фундамента музыкально-фольклористических изысканий и просветительской работы являлось одновременно и отправной точкой и, говоря словами Никольского, «ведущим полностью исчерпывающим содержанием всего дела секции» [Никольский 1942. Л. 3об.]. Это задание, «издавна основное в ряду других, а в некоторые годы <...> даже единственное» [Там же. Л. 2], оставалось наиболее значимым вплоть до самых последних дней работы ГИМНа.

С начала существования Этнографической секции было заявлено о необходимости обследования территории всей страны. Советский Союз, по выражению Пасхалова, представлял собой «дистанцию огромного размера», «необъятную поверхность» которого «буквально затопил звуковой океан народной музыки, таящий в своих недрах бесчисленные музыкальные сокровища» [Пасхалов 1928. Л. 49об.]. Отдельные части СССР в совокупности представляли собой «самую обширную этнографическую зону Старого Света». Здесь прекрасно сохранилась народная традиция в ее различных

проявлениях, в том числе «исконный быт» и, разумеется, песня «со всеми отличающимися ее от культурной музыки особенностями» [Пасхалов 1927. Л. 2].

Под собиранием музыкального фольклора подразумевался целый спектр работ. Собственно получение материала находилось в неразрывной связи с его последующей обработкой. Ему непременно сопутствовали расшифровка, хранение валиков и нотировок, составление описи и кратких аннотаций [Никольский 1942. Л. 2], а также каталогизация ранее собранных коллекций — «записей прежнего времени» [Никольский 1931. Л. 1].

Значительную часть материала в собрании ГИМНа составили записи, полученные в Москве в стационарных условиях. Обращение собирателей к стационарному способу фиксирования было вынужденным. В документах ГИМНа неоднократно упоминается о крайне стесненном финансовом положении Этнографической секции, которое с особой наглядностью обнаруживалось при сравнении бюджета ее и других организаций, занимающихся музыкально-фольклористической деятельностью.

Недостаток финансирования самым негативным образом отражался на работе секции. Для реализации намеченной программы собирания песен не имелось необходимых средств, вследствие чего нельзя было рассчитывать на сколько-нибудь планомерную экспедиционную деятельность.

В сложившихся неблагоприятных условиях приходилось довольствоваться записями песен от приезжих народных исполнителей. Кроме того, материал поступал от отдельных собирателей, работавших по собственной инициативе за свой счет [Пасхалов 1924. Л. 9].

Тем не менее, несмотря на трудности финансового характера, в собирании материала были сделаны успехи. Как указывается в предисловии к «Сборнику народов СССР», подготовленному в 1929 г. к печати, «...за восемь лет своего существования Этнографическая секция ГИМНа имела возможность познакомиться со многими произведениями народного творчества <...>, часть их была зафиксирована; записи сделаны как на местах, так и в стенах ГИМНа» [Труды 1929].

Этнографическая секция вела большую организационную деятельность,

отличавшуюся разнообразием. Среди важнейших ее форм В.В. Пасхалов выделил следующие: «...инструктирование начинающих этнографов-музыкантов, привлечение к работе добровольцев, <...> сношение с провинциальными этнографами, организация работы на местах (этнографические станции) и пр.» [Пасхалов 1925а. Л. 19].

Большое значение придавалось секцией установлению и упрочнению связей с периферией. Эти связи, по свидетельству А.В. Никольского, рассматривались «как средство широкого охвата фольклора» [Никольский 1931. Л. 2], возможностей концентрации, накопления и изучения его образцов.

Среди организаций, с которыми налаживались научные и творческие контакты, были музыкальные техникумы Казани, Буйнакска, Минска. Шел постоянный взаимообмен с представителями Пермского и Свердловского краевых этнокабинетов, Нижнеомовского педагогического техникума (Пензенская область).

Также состоялись встречи с группами педагогов и студентов из Ойротской и Монголо-Бурятской автономных республик, с работниками Башкирской этнографической организации в Уфе [Никольский 1942. Л. 8об.]. Кроме того, поддерживались связи с организациями Ташкента, Еревана, Крыма, Марийской и Чувашской автономных республик [Никольский 1931. Л. 4].

Хорошо зарекомендовал себя метод работы с отдельными специалистами, проживавшими в провинции. Нередко такие специалисты, по свидетельству Никольского, «...делали информационные доклады о состоянии работы в их организациях, о вопросе, требующем помощи, инструктажа, консультации и т.д. Как правило, все они демонстрировали свои записи местной песни» [Там же].

Многие крупные музыканты-этнографы числились в ГИМНе в качестве членов-корреспондентов, которые осуществляли сбор материала, а также проводили исследования, выступали с показами образцов народного музыкального творчества на этнографических концертах. В их числе были как «ветераны», в течение многих лет работавшие в Музыкально-этнографической комиссии, так и новые, еще не заявлявшие себя в качестве фольклористов фигуры. Пасхалов сообщает о трех

иногородних исследователях из состава бывшей МЭК, с которыми секции удалось наладить сотрудничество: А. М. Листопадове, М. И. Неказаченко, И. А. Козлове.

Активно сотрудничали с секцией члены-корреспонденты, работавшие в союзных республиках и занимавшиеся исследованием музыкального фольклора различных народов. Так, в июле 1925 г. в качестве инициатора проведения экспедиции в Узбекистане выступил певец М. Кари-Якубов [Кари-Якубов 1925. Л. 47]. В Улан-Баторе работал над собиранием и теоретическим изучением монгольских песен С. А. Кондратьев [Протокол 1925. Л. 14]. Командированный Ленинградским отделением Академии наук для проведения географических исследований, Кондратьев присылал в ГИМН записи монгольской народной музыки [От президиума 1926, 6], коллекционировал по поручению Этнографической секции народные музыкальные инструменты [Пасхалов 1925а. Л. 19–20].

Осуществляли сбор материала и другие члены-корреспонденты, работавшие «не по заданиям», но связанные с секцией «повседневной научной деятельностью» [От президиума 1926, 6]. В Дагестане работал Г. А. Гасанов, в Казахстане — А. В. Затаевич [Отчет 1927. Л. 1], сформировавший не имеющую аналогов по своим масштабам уникальную коллекцию фольклорных образцов (часть из них была опубликована [Затаевич 1925]). Несколько интересных сообщений с показом узбекской и туркменской музыки сделал В. А. Успенский, приезжавший в Москву из Ашхабада [Никольский 1942. Л. 8]. Архивные документы содержат также имена Н. И. Аладова, П. А. Анисимова, А. М. Дианова, К. В. Квитки, Г. И. Маркова и др. [Список сотрудников 1927].

Помимо специалистов, завязать с ГИМНом тесные отношения и познакомиться «со своим искусством и репертуаром» стремились и народные исполнители из глубинки [Пасхалов 1922. Л. 28]. Записи от приезжавших в Москву исполнителей делались в связи с различными мероприятиями «по случаю»: выступлениями на съездах, вечерах в учебных заведениях, во время гастролей. «Администрация ГИМНа и сотрудники его этнографической секции, — отмечалось в предисловии к «Сборнику народов СССР», — приглашали таких

исполнителей, выслушивали их и по возможности записывали <...> мелодии частью на фонографические валики, частью на слух» [Труды 1929].

Одним из значимых мероприятий, которое произвело резонанс в музыкальных кругах, стала Всесоюзная выставка музыкальных ансамблей (Москва, 1923). К ней был приурочен концерт, проходивший в помещении Большого театра, где показали свое мастерство коллективы, прибывшие, по выражению В. В. Пасхалова, «из отдаленных концов Союза» [Пасхалов 1935. Л. 8].

После проведения выставки были сделаны фонозаписи песен самых разных народов (русские, украинцы, белорусы, чуваша, черемисы [марийцы], башкиры, татары, киргизы, туркмены, узбеки, хакасы, якуты [Пасхалов 1924. Л. 11]). В результате фонотека секции обогатилась, по оценке Пасхалова, «новым и очень редким материалом» [Там же].

Записывались образцы вокального фольклора и инструментальные наигрыши. Так, 11 февраля 1922 г. были сделаны фонограммы пения уроженца села Долгощелья Долгощельской волости Мезенского уезда Архангельской губернии П. Н. Широкого. В их числе семь былин («Первая поездка старого казака Ильи Муромца», «Дюк Степанович», «Неудачная женитьба князя Владимира» и др.), восемь духовных стихов, а также несколько обрядовых песен [Пасхалов 1922. Л. 28]. Поступившие в ГИМН фонозаписи были расшифрованы И. С. Тезавровским. Полный стихотворный текст записан Е. Н. Лебедевой.

В числе исполнителей, приехавших из различных регионов, также были крестьянка А. В. Шарапова из села Дудино Сасовского уезда Рязанской губернии (от нее в 1926 г. была записана протяжная песня «Канареечка»), слушательница Этнографических курсов ГИМНа, уроженка Вятской губернии А. П. Бусыгина (в 1927 г. она напела на фонограф несколько свадебных песен: «Ты сватушка», «Березка», «За двором, двором»). Зимой 1929 г. в Москве от Т. А. Филатовой — уроженки села Александровка Усть-Каменогорской волости Семипалатинского уезда, учительницы одной из школ Барнаула — были сделаны фонозаписи трех песен алтайских кержаков-старообрядцев, выходцев

из Новгородской губернии, поселившихся в Сибири. Все эти песни в расшифровке И. С. Тезавровского вошли в состав готовящегося к изданию тома «Вокальная и инструментальная музыка народов СССР» [Труды 1929].

К собиранию фольклора привлекались также слушатели Этнографических курсов ГИМНа, в том числе И. И. Горюнов, записавший в 1927 г. от приехавшей в Москву крестьянки Е. Ф. Ульяновой четыре песни Бельского уезда Смоленской губернии [Там же].

Внимание было уделено и самодеятельным хорам, таким, как женский хор П. Г. Яркова (песни «Земляничка», «Вдоль по саду» Бронницкого уезда Московской губернии были записаны в Москве от участницы этого хора А. И. Третьяковой) [Пасхалов 1922. Л. 28].

Заметный удельный вес в коллекции звукозаписей ГИМНа составлял фольклор народов СССР. В частности, крестьянки Казанской губернии Сара Садыхова и Хакима Чамаева напели на фонограф несколько татарских песен, которые, по оценке Пасхалова, отличались «редкой красотой и оригинальностью» [Там же]. И. С. Тезавровский в Москве записал от уроженки Крыма, гречанки Е. Г. Гюльбей-Триандифилиди, песни крымских татар. В 1929 г. слушатель Этнографических курсов ГИМНа А. Х. Абдуллаев спел две узбекские песни, одна из которых («Ольма Анор») была записана нотами им самим, а другая зафиксирована на слух И. С. Тезавровским. Перевод слов песен на русский язык не был сделан вследствие невозможности его осуществления, ибо, как указывал информант, «пропадает рифма и пропадает слог. Понятие другое, получается вроде какой-то бессмыслицы, если сделать точный перевод» [Труды 1929].

Отметим серьезный интерес, который проявила Этнографическая секция к музыкальным инструментам. Можно привести в пример сотрудничество секции с ансамблем владимирских рожечников, которое, согласно архивным документам, продолжалось в течение нескольких лет. Так, в письме от 14 марта 1924 г. руководитель ансамбля рожечников П. Г. Пахарев обратился в ГИМН с вопросом о возможности организации новых выступлений в Москве после гастролей во время Всесоюзной выставки музыкальных

ансамблей [Пахарев 1924. Л. 27]. В 1925 г. состоялся приезд участника ансамбля владимирских рожечников Н. А. Кряжева [Труды 1929], от которого были сделаны фонозаписи нескольких инструментальных наигрышей, а также песни «Что за травынька» с сопровождением на гармонике [Там же]. Песня была расшифрована И. С. Тезавровским, слова были записаны отдельно от пения А. А. Новосельским. В 1923 г. в Москве от одного из исполнителей-инструменталистов, приехавших на Всесоюзную выставку музыкальных ансамблей, были записаны два башкирских наигрыша на курае [Там же].

Экспедиционная деятельность традиционно рассматривалась в качестве средства по «спасению песни». «Надо спешить с собиранием и фиксированием того, что еще сохранилось, — было сказано в предисловии к готовящемуся к печати сборнику, — <...> во многих местностях СССР, особенно удаленных от центров, народная музыка еще жива. Можно даже утверждать, что этнограф найдет в Союзе больше материала, чем где бы то ни было в Европе» [Там же].

Однако в осуществлении своей благородной миссии Этнографическая секция не получала поддержки со стороны официальной власти, что выразилось прежде всего в отсутствии финансирования. Причины этого достаточно ясно раскрыты А. В. Никольским. Устная народная традиция в целом (как поэтическая, так и музыкальная) находилась вне сферы государственного регулирования. Музыкальный фольклор представлял собой явление, не подконтрольное какой-либо цензуре, его содержание, темы, идеи, образы были абсолютно свободны от насаждаемых сверху идеологических принципов. В результате песню, по свидетельству Никольского, «...некоторые были склонны рассматривать как объект сомнительной ценности и даже вредный, как отражение жизни, <...> ушедшей в прошлое» [Никольский 1931. Л. 4], как сознательное отстранение от «великих завоеваний» последних лет. Уже с 1920-х гг. песня, по словам Никольского, быстро «теряла всякое значение и цену» [Там же], и этим объясняется пафос целого ряда публикаций того времени, направленных в защиту подлинно народного музыкального искусства.

Этнографическая секция ГИМНа изо всех сил пыталась противодействовать неуклонно крепнущей, начиная с 1920-х гг., тенденции к сворачиванию музыкально-фольклористической деятельности. Были проведены многочисленные заседания, разработаны планы исследовательской, экспедиционно-собираательской и просветительской работы, сделаны обращения в вышестоящие инстанции, осуществлены публикации в периодической печати. «Нельзя считать желательным, — отмечалось в протоколе одного из заседаний, — полное прекращение собирания великорусских песен на Севере и в центральных губерниях. В Олонецкой губернии, по сообщению Игоря Глебова, бывшего там нынешним летом, можно записать чрезвычайно интересный музыкально-этнографический материал (причитания, старообрядческие напевы, новейшие частушки)» [Протокол 1925. Л. 13].

В январе 1926 г. проблема сохранения народно-песенного наследия была вынесена на обсуждение в Государственный ученый совет (ГУС). В. В. Пасхалов, выступивший на заседании с докладом «О фонографической записи народных песен и организации центральной песенной фонотеки», поднял широкий круг вопросов, связанных с собиранием, обработкой материала, его научным изучением, изданием произведений музыкально-фольклора [Пасхалов 1926].

Результативная часть резолюции по итогам заседания содержала развернутый перечень мер, направленных на собирание, изучение музыкального фольклора, сохранение его образцов. В ней отмечалась исключительная роль народно-песенного творчества в развитии отечественного музыкального искусства и музыкальной науки, обосновывалась необходимость государственной помощи существующим музыкально-фольклористическим организациям, создания в стране широкой «сети музыкально-этнографических ячеек». Также отмечалось особое значение звукозаписи в получении достоверного, документально зафиксированного материала. Это, в свою очередь, требовало значительных объемов финансирования для приобретения фонографов, восковых валиков, для обеспечения работы по расшифровке фонограмм их копированию

на не разрушавшиеся с течением времени носители (граммофонные пластинки).

В сохранившихся архивных документах содержится программа Этнографической секции, нацеленная на осуществление собирания и сохранения музыкального фольклора. Ее реализация предполагала выполнение следующих пяти пунктов, связанных с важнейшими сторонами этого вида деятельности:

- посылка и снаряжение экспедиций и запись народных мелодий в стенах ГИМНа;
- заведование фонотекой;
- копирование валиков;
- расшифровка фонограмм;
- издание наиболее ценных записей [Вокальная музыка 1929. Л. 11].

Тем не менее финансирование выездов на места почти не осуществлялось, несмотря на многочисленные обращения, публичные заявления, выступления в печати. Помимо катастрофического недостатка материального обеспечения, в числе факторов, негативно отразившихся на состоянии экспедиционно-собирательской работы, Никольский указывал на отсутствие в распоряжении секции необходимых фонографических «аппаратов и валиков, невозможность их приобретения ввиду исчезновения их с рынка и полное прекращение промышленного производства фонографических принадлежностей» [Никольский 1942. Л. 6].

В итоге за все время существования ГИМНа удалось организовать за счет государственных средств лишь единичные выезды на места. С 1921 по 1925 г., согласно «Сборнику работ Этнографической секции», были проведены только две такие экспедиции: в Бронницкий уезд Московской губернии и в Крым. «Результатом первой экспедиции оказалась коллекция великорусских обрядовых песен, записанных при помощи фонографа, членом секции, артисткою гостеатров А. О. Третьяковой, всего 15 валиков; вторая экспедиция дала 29 валиков с записями 138 песен народностей Крыма. Эмиссаром был певец-этнограф, член Секции А. К. Кончевский» [От президиума 1926, 6; Протокол 1925. Л. 13].

В период с 1929 по 1931 г., по данным Никольского, вообще не было проведено ни одной экспедиции из-за «отказа в асигновании». Собиране ограничилось

записью «одного-двух десятков песен и инструментальных образов от певцов и ансамблистов Средней Азии и Кавказа, участвовавших во Всесоюзной олимпиаде в 1930 году» [Никольский 1942. Л. 6].

Несмотря на отсутствие поддержки со стороны государства, члены Этнографической секции всеми силами пытались развивать собирательскую деятельность. Были сформулированы требования, предъявляемые к экспедиционному материалу. Особое внимание уделялось «подлинности записанных мелодий», «точности записей», которые, в отличие от второй половины XIX в., расценивались как неотъемлемые атрибуты полноценного научного исследования [Труды 1929].

Достоверность получаемого материала могла быть обеспечена, по мнению членов Этнографической секции, лишь при выполнении ряда условий. Обязательным было обращение непосредственно к первоисточнику или, как писал Пасхалов, «...сближение с народными баянами различных национальностей, слушание произведений народной музыки из уст самого народа» [Пасхалов 1928. Л. 57]. Экспедиции должны быть хорошо оборудованными, иметь исправную звукозаписывающую и фотографическую аппаратуру. Не исключалась и слуховая запись как средство контроля и устранения «неточностей, создаваемых особенностями фонографического звучания» [Выписка из протокола 1926. Л. 7].

Большое значение придавалось фиксированию, помимо собственно музыкального фольклора, также стихов и рассказов, поскольку они «говорятся размеренной и напевной речью», изучение которой может во многом прояснить «мелодическое и ритмическое построение песен» [Там же]. Кроме того, указывалось на необходимость собирания народной музыки «совместно с записью других видов народного творчества, словесного, изобразительного искусства и других» [Там же].

С момента существования Этнографической секции ГИМНа была дана установка на поиск лучших образцов. СобираТЕЛЬ, по мнению Пасхалова, должен уметь «отличать подлинно народную музыку от музыки наносной, городской, композиторской, выбирать наилучшие варианты, вообще отличать ценное от менее ценного» [Труды 1929].

«Я и мои сотрудники, — писал Пасхалов, — не обращая внимания на упреки прессы, обвинявшие нас в научном провинциализме, внушали командиремым нами собирателям не записывать первый попавшийся материал, а, руководствуясь требованиями музыкального вкуса, делать соответствующий отбор наиболее ценных в художественном отношении песен» [Пасхалов 1933. Л. 24].

Такой «вполне надежный в художественном смысле материал» был необходим, по мнению Пасхалова, для выявления и изучения наиболее важных закономерностей народно-песенной структуры, лада, гармонии, многоголосия. При проведении теоретических исследований заведывались лишь «те песни, которые представляли интерес в художественном отношении». Изучались особенности «только наиболее развитого народно-музыкального языка, на котором изложены наиболее ценные произведения народного музыкального творчества» [Там же].

В условиях недостатка финансирования особое значение приобретали выезды на места, сделанные сотрудниками за свой счет. Такими экспедициями удалось охватить достаточно обширный регион и получить разнообразный в стилевом и жанровом отношении материал, впрочем, чисто количественно, безусловно, уступавший собраниям дореволюционного периода.

Ареал исследований включал европейскую часть РСФСР (Русский Север, среднюю полосу, южные области), Украину, Белоруссию, а также некоторые автономные республики (Коми, Марийская, Молдавская АССР¹), Кавказ, Узбекистан. Был записан как русский музыкальный фольклор, так и фольклор других народов СССР, охвачены разнообразные в жанровом и стилевом отношении традиции. Запись делалась как при помощи фонографа, так и на слух.

Над собиранием фольклора трудились и непосредственные работники Этнографической секции ГИМНа (в ее штате состояло 24 научных сотрудника), и члены-корреспонденты.

На Пинеге работала Е. Д. Денисова, в Карельской Республике — А. М. Дианов,

в Касимовском уезде — И. С. Тезавровский и Е. Д. Денисова, в Московском уезде и на Украине — М. А. Антошина, в Воронежской губернии — П. М. Казьмин, в Орловской губернии — И. С. Тезавровский, в Молдавской АССР — Е. Н. Лебедева, в Сванетии — Денисова и Г. Г. Лобачёв [Труды 1929].

Особую активность проявила Е. Д. Денисова, совершившая в течение короткого промежутка времени ряд выездов (некоторые совместно с Тезавровским и Лобачёвым), во время которых были зафиксированы многочисленные образцы народного музыкального творчества, в том числе свадебные, хороводные песни, лирика. В 1926 г. она работала на Пинеге, в 1927–1928 гг. — в Рязанской губернии, где записывала русский и татарский музыкальный фольклор. В 1928 г. состоялась экспедиция Денисовой в Верхнюю Сванетию, результатом которой стали первые в СССР фонограммы сванского пения. Записанные произведения фольклора исполнялись антифонно либо двумя мужскими, либо двумя женскими хорами. Запевалами были мальчики [Там же].

К числу «больших проектов», осуществляемых на протяжении нескольких лет, относятся экспедиции А. К. Кончевского в Крым. Еще с 1917 г., т.е. до официального открытия ГИМНа, собиратель совершил ряд выездов в регион. Коллекция песен, собранных им в период 1917–1922 гг., была напечатана в виде двух сборников [Песни Крыма 1924; Песни Востока 1925]. Результатом следующей поездки (1924) на средства художественного отдела Главнауки стало собрание из 29 фонографических валиков. Звукозаписи были расшифрованы и подготовлены к публикации. В 1925 г. Этнографическая секция ГИМНа вышла с ходатайством перед Главнаукой о еще одной крымской экспедиции. В ее задачи, помимо сбора материала, входило также приобретение музыкальных инструментов [Письмо Этнографической секции 1925. Л. 21]. Экспедиция в Крым представлялась значимой «ввиду быстрого вымирания наиболее ценных старинных образцов музыкального творчества крымских татар (собственно тюрков) и вытеснения подлинных народных

¹ С 1924 по 1940 г. территория Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики входила в состав Украинской ССР.

инструментов обычными орудиями садовых оркестров» [Там же].

На протяжении многих лет осуществляла собирание молдавского музыкального фольклора Е. Н. Лебедева. С 1921 г. она систематически осуществляла выезды в Молдавию [Лебедева 1927. Л. 1]. Многие свои поездки Лебедева совершала на свои средства «и дважды получала командировки от Наркомпроса» [Там же]. В 1923 г., согласно официальному утверждению К. В. Квитки, Лебедева работала с материалами Кабинета музыкальной этнографии Академии наук УССР в Киеве, изучала украинскую народную музыку, обнаружив при этом «большую осведомленность в производившейся тогда в СССР музыкально-этнографической работе» [Квитка 1948. Л. 1].

В 1926 г. Лебедева, по данным одного из отчетов Этнографической секции ГИМНа, записала на границе с Румынией 12 молдавских песен [Отчет 1927. Л. 1]. Имеются данные также о ее экспедиции в 1928 г., материал которой частично (10 молдавских песен, записанных на слух) был включен в сборник «Вокальная и инструментальная музыка народов СССР» [Труды 1929].

Собиратель Н. Н. Миронов на протяжении нескольких лет работал в Узбекистане. Проживая в Бухаре, он собрал большое собрание образцов музыкального фольклора, записанных на слух, а также являлся автором многочисленных неизданных научных трудов. Экспедиции Миронова представлялись особенно значимыми, поскольку, как указывалось в письме Этнографической секции ГИМНа в Главнауку, до самого последнего времени в музыкально-этнографической литературе не имелось «сборников песен народностей, входящих в состав нынешней Бухреспублики» [Письмо Этнографической секции 1925. Л. 22]. Для работы со стихотворными текстами требовался «местный интеллигентный переводчик, труд которого должен быть минимально оплачен» [Там же].

В архивных документах содержатся сведения также о других экспедициях ГИМНа. В 1925–1926 гг., согласно отчету, Е. Д. Денисова зафиксировала на валики каракалпакские песни «с голоса приезжего туземца», тогда же состоялись поездки П. А. Анисимова в Большеземельскую

тундру (Коми АССР) и А. Л. Доливо-Соботницкого в Звенигородский уезд Московской губернии (там была осуществлена «запись великорусских песен на дисках патеграфа» [Отчет 1927. Л. 1]).

Подводя итоги собирательской деятельности Этнографической секции ГИМНа, необходимо отметить, что она представляет собой, безусловно, одно из ярких и выдающихся явлений в истории отечественной музыкальной фольклористики. В то очень непростое, насыщенное драматическими событиями время был осуществлен широкий охват разнообразных в стилевом отношении традиций, привлечено к сбору материала большое число специалистов, сформирована значительная коллекция фонограмм, произведено записывание, обработка и подготовка к публикации фольклорных произведений всевозможных жанров. Впервые был поставлен и начал решаться вопрос о создании централизованного хранилища звукозаписей, что в конечном итоге привело к созданию Фонограммархива при Академии наук СССР.

Сбор материала был обеспечен целым спектром работ, в том числе осуществлением стационарных записей, привлечением специалистов на периферии, проведением экспедиций. Эти виды деятельности дополнялись научными изысканиями: изучением литературы, рукописей, архивных материалов, дореволюционных собраний фонограмм и их каталогизацией. Обязательным было наличие в публикациях вспомогательного аппарата: научных комментариев с данными о месте времени произведенной записи, собирателях и исполнителях.

Лелеявшиеся до революции Музыкально-этнографической комиссией планы по «всеобщей переписи народной песни» начали получать воплощение в виде исследований авторов, работавших с фольклором народов СССР. Также ставились вопросы создания научных кадров, штата преподавателей, воспитания молодых специалистов. Серьезное внимание было уделено проблеме выработки профессионального мастера.

Одной из задач Этнографической секции ГИМНа было сделать результаты собирательской деятельности достоянием широкой общественности, для чего планировалось издание серии сборников

экспедиционных материалов. В первый подготовленный к печати выпуск должно было войти около 120 песен и инструментальных наигрышей России, Украины, Молдавии, народов Средней Азии, Кавказа, Крыма (рукопись хранится в Росийском национальном музее музыки (далее — РНММ). Ф. 249. Инв. № 279). К сожалению, данный выпуск вследствие отсутствия финансирования и последующего расформирования ГИМНа в 1931 г. так и не вышел из типографии.

Судьба материалов ГИМНа оказалась во многом трагичной. В большинстве своем они в течение долгого времени оставались в рукописи и не были

введены в научный оборот. Лишь в середине 1970-х гг. появляются первые публикации, касающиеся института в целом [Ливанова 1975; Новосельский 1975]. В отношении же собственно Этнографической секции ГИМНа до настоящего момента не существовало каких-либо специальных исследований. Данная статья впервые проливает свет на одну из неизвестных страниц истории отечественной музыкальной фольклористики 1920–1930-х гг. Дальнейшие изыскания в этом направлении позволят значительно расширить наши знания об одном из интереснейших периодов развития музыкальной науки.

Источники и материалы

Вокальная музыка 1929 — Вокальная и инструментальная музыка народов СССР: Матер., собранные сотрудниками Этнографической секции ГИМНа // РНММ. Ф. 249. Инв. № 190.

Выписка из протокола 1926 — Выписка из протокола № 6 Заседания Музыкальной подсекции Научно-художественной секции Государственного ученого совета (ГУС) от 30 января 1926 г. // РНММ. Ф. 134. Инв. № 361.

Затаевич 1925 — *Затаевич А. В.* 1000 песен киргизского народа (напевы и мелодии). Оренбург, 1925.

Кари-Якубов 1925 — *Кари-Якубов М.* Письмо в Этнографическую секцию ГИМНа от 4 июля 1925 г. // РНММ. Ф. 134. Инв. № 361.

Квитка 1948 — *Квитка К. В.* Письмо в Музфонд СССР. Октябрь 1948 г. // РНММ. Ф. 162. Инв. № 270.

Лебедева 1927 — Лебедева Екатерина Николаевна. Отзыв ГИМН в Сектор науки Наркомпроса // РНММ. Ф. 162. Инв. № 275.

Никольский 1931 — *Никольский А. В.* О работе Музыкально-этнографической секции ГИМНа // РНММ. Ф. 294. Инв. № 309.

Никольский 1942 — *Никольский А. В.* Музыкально-этнографическая секция ГИМНа в 1929–31 годах // РНММ. Ф. 294. Инв. № 426.

От президиума 1926 — От президиума Этнографической секции // Сборник работ Этнографической секции. Вып. 1. М., 1926. С. 5–8. (Труды Государственного института музыкальной науки).

Отчет 1927 — Отчет Этнографической секции ГИМНа за 1926–27 год // РНММ. Ф. 134. Инв. № 361.

Пасхалов 1922 — *Пасхалов В. В.* Отчет о деятельности Этнографической ассоциации ГИМНа на заседании Ученого Совета. 1922 год // РНММ. Ф. 134. Инв. № 361.

Пасхалов 1924 — *Пасхалов В. В.* Доклад о деятельности Этнографической секции ГИМНа // РНММ. Ф. 134. Инв. № 358.

Пасхалов 1925 — *Пасхалов В. В.* О деятельности московских музыкантов-этнографов за последние 25 лет // РНММ. Ф. 134. Инв. № 356.

Пасхалов 1925а — *Пасхалов В. В.* О педагогической и собирательской деятельности ГИМНа // РНММ. Ф. 134. Инв. № 361.

Пасхалов 1926 — *Пасхалов В. В.* К вопросу о фонографической записи народных песен и о центральной песенной фонотеке // Сборник работ Этнографической секции. Вып. 1. М., 1926. С. 83–92. (Труды Государственного института музыкальной науки).

Пасхалов 1927 — *Пасхалов В. В.* К вопросу о музыке Советского Востока // РНММ. Ф. 134. Инв. № 330.

Пасхалов 1928 — *Пасхалов В. В.* Лекции по музыкальному фольклору // РНММ. Ф. 134. Инв. № 306.

Пасхалов 1933 — *Пасхалов В. В.* Научные предпосылки работы Научно-исследовательского кабинета при Азербайджанской государственной консерватории. Краткое изложение публичного доклада В. Пасхалова в зале Азербайджанской консерватории 27 апреля 1933 г. // РНММ. Ф. 134. Инв. № 309.

Пасхалов 1935 — *Пасхалов В. В.* Записные тетради с записями по этнографии // РНММ. Ф. 134. Инв. № 363.

Пахарев 1924 — *Пахарев П. Г.* Письмо в ГИМН от 14 марта 1924 г. // РНММ. Ф. 134. Инв. № 361.

Песни Востока 1925 — Песни Востока. Собраны и записаны в Крыму певцом этнографом А. К. Кончевским. Гармонизованы М. А. Ставицким и В. В. Пасхаловым / Общ. ред. В. В. Пасхалова. М., 1925.

Песни Крыма 1924 — Песни Крыма: Для голоса с сопровождением фортепиано. Собраны и записаны певцом-этнографом А. К. Кончевским. Гармонизованы М. А. Ставицким и В. В. Пасхаловым / Общ. ред. В. В. Пасхалова; Вступ. ст. А. В. Луначарского. М., 1924.

Письмо Этнографической секции 1925 — Письмо Этнографической секции ГИМНа в Художественный отдел Главнауки // РНММ. Ф. 134. Инв. № 361.

Протокол 1925 — Протокол собрания об экспедиционно-собираательской работе // РНММ. Ф. 134. Инв. № 361.

Список сотрудников 1927 — Список сотрудников Этнографической секции ГИМНа // РНММ. Ф. 249. Инв. № 231.

Труды 1929 — Труды Государственного института музыкальной науки Этнографической секции. Вокальная и инструментальная музыка народов СССР. Материалы, со-

бранные сотрудниками Этнографической секции ГИМНа. Вып. 1 // РНММ. Ф. 249. Инв. № 279.

Исследования

Ливанова 1975 — *Ливанова Т. Н.* Из прошлого советской музыкальной науки (ГИМН в Москве) // Из прошлого советской музыкальной культуры / Сост. Т. Н. Ливанова. М., 1975. С. 267–335.

Новосельский 1975 — *Новосельский А. А.* Страницы истории ГИМНа // Советская музыка. 1977. № 5. С. 84–92.

© Д. В. Смирнов, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнов Д. В. <https://orcid.org/0000-0002-4572-8500>

Кандидат искусствоведения, доцент, старший научный сотрудник проблемной научно-исследовательской лаборатории музыки и музыкального образования Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского: Российская Федерация, 125009, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 13/6; тел.: + 7 (495) 629-85-31; e-mail: smrndv@mail.ru

COLLECTING BY THE ETHNOGRAPHIC SECTION OF THE STATE INSTITUTE OF MUSICAL SCIENCE (1921–1931)

DMITRY V. SMIRNOV

(Tchaikovsky Moscow State Conservatory: 13–6, Bolshaya Nikitskaya str., Moscow,
125009, Russian Federation)

Summary. *The article is based on materials from the Sector of Documents and Personal Archives Department of the Russian National Museum of Music (Moscow). The author carried out a review of the collecting activities of the Ethnographic Section of the State Institute of Musical Science, one of the largest scientific institutions in Russia in the post-October period. The most important types of this work are described, including: the receipt of material in stationary conditions; attracting outside organizations and individual collectors from the periphery; and making expeditions. The article describes the Section's links with other organizations and individual researchers and outlines the various goals of its folklore expeditions.*

The author assesses the activity of the Ethnographic Section, which has declared itself a full-fledged unit, capable of leading the country in collecting and studying musical folklore. The Section has covered a wide range of diverse stylistic traditions, brought together a large number of specialists to collect material, and created a large collection of phonograms. For the first time, the question of creating a centralized repository of sound recordings was raised, which ultimately led to the creation of the State Phonogram Archive of the USSR Academy of Sciences. These activities were complemented by scientific research: the study of literature, manuscripts, archival materials, pre-revolutionary phonogram collections and their cataloging.

Key words: *Russian ethnomusicology of the 1920s, the Musical and Ethnographic Commission, the State Institute of Music Science.*

Received: March 31, 2019.

Date of publication: June 25, 2019.

For citation: Smirnov D. V. Collecting by the Ethnographic Section of the State Institute of Musical Science (1921–1931). *Traditional culture*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 131–141. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.2.011

References

Livanova T.N. (1975) *Iz proshlogo sovsckoy muzykal'noy nauki (GIMN v Moskve)* [From the past of Soviet musical science (State Institute of Musical Science in Moscow)]. In: *Iz proshlogo sovsckoy muzykal'noy kul'tury* [From the past of the Soviet music culture]. Moscow. Pp. 267–335. In Russian.

Novoselskiy A. A. (1975) *Stranitsy istorii GIMNa* [Pages of the history of the State Institute of Musical Science]. *Sovetskaya muzyka* [Soviet music]. 1975. No. 5. Pp. 84–92. In Russian.

© D. V. Smirnov, 2019

ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. Smirnov <https://orcid.org/0000-0002-4572-8500>

E-mail: smrndv@mail.ru

Tel.: + 7 (495) 629-85-31

13–6, Bolshaya Nikitskaya str., Moscow, 125009, Russian Federation

PhD in Art, Associate Professor, Senior Researcher of the Research Laboratory of Music and Musical Education, Tchaikovsky Moscow State Conservatory

This is an open access article distributed
under the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY4.0)